

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMANARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 949917

Editor-Director
TATIANA X. DE DUBROWSKY

Casiña de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión No. 4233

Concesión No. 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXI

Buenos Aires, Martes 25 de febrero de 1969

Буэнос Айрес, вторник 25 февраля 1969 года № 992

С. Л. Войцеховский

Записная Книжка

ФЕВРАЛЬ 1969

Л. Е. ДОБРЯНСКИЙ

Фанатический руссофоб, председатель Украинского Комитета в Америке, профессор Л. Е. Добрянский приветствовал избрание Ричарда М. Никсона телеграммой, обнаружившей ту надежду, которую украинские шовинисты возлагают на нового президента Соединенных Штатов. Воспользовавшись своей принадлежностью к Республиканской партии и прежним встречам с Никсоном, Добрянский адресовал эту телеграмму не “господину президенту”, а “дорогому Дику”, то есть так, как Никсона называли до избрания его близкие друзья. Это фамильярное обращение должно было вероятно показать последователям Добрянского насколько он якобы близок к новому президенту.

Поздравив Никсона с избранием, Добрянский написал:

— Мы ждем от Вас вдохновляющего руководства в воссоединении нашей страны, в восстановлении большого американского престижа за границей и в открытии новых путей нашей внешней политики, особенно по отношению к нашему главному врагу в Москве. Поддержку, которую Вы оказывали в прошлом всем порабощенным нациям, вызвала глубокую признательность. Теперь ей может быть придана конкретная форма, особенно в том, что касается порабощенных нерусских народов в СССР. Мы готовы оказать Вам в этом любую помощь.

Телеграмма опубликована выходящим в Нью Йорке по-английски “Украинским Бюллетенем”. Ответ Никсона, вряд ли содержащий что-либо кроме банальной благодарности за поздравление, напечатан не был.

УКРАИНЦЫ О НИКСОНЕ

Одновременно с телеграммой Добрянского, “Украинский Бюллетень” привел одно изречение нового президента и изобразил его единомышленником пресловутого закона 86-90 о Неделе Порабощенных Наций.

Украинский журнал напомнил, что в январе 1960 года, накануне тех выборов, которые тогда привели к избранию Кеннеди, а не Никсона президентом Соединенных Штатов, кандидат Республиканской партии сказал, что “только немногие народы в мире ценят идеал суверенности больше, чем украинцы”.

Твердые антикоммунистические взгляды г. Никсона — написал “Украинский Бюллетень” — привели его к пониманию положения порабощенных наций, включая Украину. Уже в 1952 году г. Ник-

сон, будучи сенатором, поддержал усилия Украинского Комитета в Америке добиться признания украинцев одним из значительных этнических элементов в Соединенных Штатах. Он приветствовал съезды Украинского Комитета, неизменно посылая им телеграммы и обещая поддержку. Как вице-президент Соединенных Штатов, г. Никсон участвовал в ознаменовании годовщин независимости Украины Конгрессом. В сентябре 1960 г. он был признан “борцом за свободу” Лигой американцев украинского происхождения в Чикаго... В 1964 г. г. Никсон был избран почетным членом Комитета по сооружению памятника Шевченко в Вашингтоне... В 1968 году он прислал Украинскому Комитету в Америке телеграмму по случаю организованного этим Комитетом ознаменования 50-й годовщины независимости Украины. В этой телеграмме он, между прочим, написал: “Мы должны стремиться к будущему освобождению порабощенных наций, в их и в нашем интересе”.

ЯЗЫК РУССОФОВ

Для Добрянского и его единомышленников антикоммунизм означает руссофобию — ненависть к России и к русскому народу. В качестве примера можно сослаться на резолюцию, принятую в Нью Йорке участниками украинского митинга, посвященного памяти Степана Бандеры, который, как известно, был убит 15-го октября 1959 года в Мюнхене впоследствии бежавшим в Западную Германию из восточного Берлина и со знавшимися в этом преступлении советским агентом Богданом Сташинским.

Хотя Сташинский, действовавший по поручению КГБ, был галицким украинцем, резолюция переложила всю вину коммунистов на Россию и на русский народ.

Сташинский в этой резолюции по имени не назван и о том, что он считает себя украинцем нет, конечно, ни слова. Бандера — утверждает резолюция — был убит “наемником русского политбюро” и “русской иерархии”.

— Всем известно — сказано в третьем параграфе резолюции — что императорская Россия в течение столетий полностью пользовалась политическими убийствами и то же делают теперь русские коммунисты для закрепления своей власти над порабощенными нациями.

В следующем параграфе, русские коммунисты названы виновниками вторжения в Чехословакию, а ее оккупация истолкована, как “еще одно напоминание свободному миру того, что природа русского имперского колониализма осталась неизменной”.

Пятый параграф содержит утверждение, что “русский империализм угрожает человечеству”.

В шестой авторы резолюции включили смехотворное обвинение императорской России в том, что она “вооружила и поддерживала Ханойский режим, пытающийся оккупировать свободный Вьетнам”.

В седьмом “русская большевицкая военная агрессия” объявлена виновницей

Российская монархия, при всей ее многовековой инерции, держалась не сама собой и уж, конечно, сама собой восстановлена быть не может. Для ее восстановления нужны сознательные и продуманные усилия очень многих людей, опирающихся на жизненные и для меня неоспоримые интересы народных масс России. Восстановление российской монархии возможно только в результате борьбы, в результате сознательных и продуманных усилий русских людей по обе стороны рубежа.

Наши монархические круги, которые вообще, по складу своего характера, гораздо более склонны к словам, чем к работе, к знаменам, чем к танкам, хотят видеть в монархии по преимуществу знамя. Я вижу в ней по преимуществу орудие, — самое мощное, каким мы только располагаем в борьбе за возрождение России — орудие успокоения и упорядочения страны. Для нас, как и для подавляющего большинства русского народа, монархия — это не только вывеска или приманка, а самый могучий двигатель в устройении и построении Империи Российской.

Если мы собираемся оперировать идеей монархии не как знаменем, а как орудием, — перед нами встает очень важная задача. Нужно очистить эту идею от всякого рода реакционного,

плотоядного вождения тех людей, которые совсем все-рвез думают, что благодарное послесоветское население с поклонами принесет им ключи от их латифундии, от титулов, чинов, привилегий и прочего в этом роде. Ничего этого не будет. Будет труд, труд упорный до жестокости, будет строгая оценка всякой способности, всякого умения и всякого таланта. Будет труд огромный, созидательный и радостный, но на старых привилегиях нужно поставить крест. Нужно поставить крест на всем том вяземском, избяном и лубочном стиле, которым еще питается некоторая часть нашей эмиграции. Этот стиль умер бесповоротно, как умерли марксизм галантного века или феодальные замки немецких Раубриттеров — рыцарей-разбойников.

Зарубежная интеллигенция может сыграть только одну роль — роль идейной закваски.

Одно из очень нужных нам предприятий заключается в очистке русского прошлого от всей той грязи, которую облепили его наши “сеятели” еще с до-революционных времен. Однако, если возражать против этой грязи, то нужно искать возражения, во-первых, правдивые, а во-вторых, — хотя бы правдоподобные.

Иван СОЛОНЕВИЧ

“страданий украинской нации в 1917-1922 г. г.”

Восьмой параграф сообщает американцам, что “историческая борьба украинцев за свободу и национальную независимость опять разгорелась решительно и мощно во время Второй Мировой войны, но еще раз была растоптана красным русским империализмом”.

Та часть резолюции, в которой речь о смерти Бандеры, упоминает “другие русские политические убийства”, “русский империализм” и “русские пули”.

НАПРАСНАЯ НАДЕЖДА

Если Добрянский и его приспешники предполагают, что новый президент Соединенных Штатов заговорит тем же языком, они, несомненно, ошибаются.

Трудно сказать, что думает Никсон о России, русском народе, коммунизме и большевиках. До своего избрания, он удивил участников съезда Республиканской партии мнением, что эпоха соперничества свободного мира с коммунизмом закончена и настало время перемирия между ними.

Он повторил эту мысль, несколько смягчив ее остроту, после своего избра-

ния. Во время своей первой пресс-конференции, 27-го января 1969 года, он отозвался озабоченно о положении на Среднем Востоке и прибавил, что еще одно военное столкновение между Израилем и арабскими государствами может привести к термоядерной войне держав, обладательниц этого оружия.

При таком подходе к отношениям между Соединенными Штатами и Советским Союзом, при таком прямом указании на опасность величайшей катастрофы, места на поддержку узких, шовинистических надежд Украинского Комитета и профессора Л. Е. Добрянского в политике нового американского президента не останутся.

Любит ли Никсон русский народ или не любит, понимает ли он Россию или не понимает, на войну ради ее расчленения он не пойдет. Помощь и поддержку Добрянский может получить не в Белом Доме в Вашингтоне, а отсюда, откуда он их менее всего ждет — от ослепленных коммунистической утопией советских вождей, которые могут, в погоне за миражем мировой революции, толкнуть Россию в пропасть.

С. Л. ВОЙЦЕХОВСКИЙ

† В сороковой день кончины
ИНЖЕНЕРА

Г. М. КИСЕЛЕВСКОГО

в субботу, 1-го марта, в 17 часов, в храме Св. Владимира (Villa Ballester, San Martin 344) будет отслужена ПАНИХИДА,

о чем извещает семья покойного.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ЦЕРКОВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Нам пишут из Гельсингфорса:

Возглавляющий автокефальную Финляндскую Православную Церковь архиепископ Павел издал распоряжение о переходе названной Церкви с Юлианского на Григорианский календарь.

Это распоряжение не распространяется на праздник Пасхи и остальные церковные праздники Пасхального круга, которые и впредь будут праздноваться по общей православной Пасхалии.

А. Ф. КЕРЕНСКИЙ

Нам пишут из Нью Йорка:

«Новое Русское Слово» сообщило, что находящийся в настоящее время в Лондоне А. Ф. Керенский продал сохранившуюся часть своего архива в Вашингтон за 100 тысяч долларов, подлежащих выплате в течение пяти лет, по 20 тысяч долларов в год.

Здоровье Керенского настолько улучшилось, что он намерен вернуться в ближайшее время в Соединенные Штаты из Англии, где живут его сыновья.

В. РОСТОПЧИН

Нам пишут из Нью Йорка:

Выходящая здесь газета «Россия» опубликовала «Обращение к общественности», подписанное проживающим в Голландии бывшим советским гражданином Виктором Ростопчиным, пожилым человеком, уроженцем Орла.

В этом обращении В. Ростопчин сообщил, что ему удалось получить выездную визу и легально покинуть СССР для соединения с женой, нидерландской подданной. Срок выданного ему для отъезда советского паспорта истек в апреле 1967 года. Он не ходатайствовал о продлении этого паспорта и не скрывал намерения остаться на постоянное жительство в Голландии.

В ноябре 1968 года проживающая в Москве сестра автора обращения была вызвана в помещающийся в Колпачном переулке № 9 отдел виз и регистрации иностранцев, где ей были заданы вопросы о причине невозвращения Ростопчина в Советский Союз.

30-го декабря Ростопчин получил подписанное вторым секретарем советского посольства в Гааге А. Венчиковым

письмо, приглашающее его в консульский отдел посольства «для решения вопроса о дальнейшем пребывании в Голландии».

В. Ростопчин на этот вызов не отозвался, а в своем обращении подтвердил свое намерение остаться в Голландии. Со своей стороны, редакция газеты «Россия», сотрудником которой автор обращения стал после своего приезда в Голландию, поддержала его право остаться эмигрантом и выразила надежду на то, что советские учреждения, настаивающие на возвращении Ростопчина в СССР, ограничатся угрозами и не прибегнут к насилию.

М. БАГАТ

Председатель Сев.-Кавказского Объединения в Соединенных Штатах А. Карали сообщил, что родившийся в Дагестане молодой экономист, д-р Мамед Багаудин Багат, погиб при загадочных обстоятельствах.

По словам А. Карали, Багат был сыном дагестанца, арестованного в 30-х годах большевиками по обвинению в сопротивлении коллективизации и скончавшегося в советском лагере.

Сам Багат был воспитан матерью, во время германско-советской войны попал в Германию, а оттуда в 1951 году, еще молодым человеком, иммигрировал в Соединенные Штаты, где ему удалось получить высшее образование.

В университете он попал под влияние сочувствующих коммунизму американцев, сам стал советником и установил связи с советскими представителями. Совершив туристическую поездку в СССР, он вернулся оттуда восторженным восхвалителем советского строя и его «достижений».

Недавно он отправился туда во вторую поездку, которую скрыл от жены и друзей. В Москве его постигли какие-то крупные неприятности и, по предположению А. Карали, он был задержан и подвергнут тщательному допросу. Ему, однако, позволили выехать из Москвы в Дагестан и навестить все еще живущую там мать.

Из Дагестана он написал жене в Соединенные Штаты, что «в Москве его очень обидели» и что он «очень болен железком». Следующим известием, полученным женой Багата, была телеграмма из Стокгольма о том, что он скончался от разрыва сердца в самолете, летевшем из Москвы в Швецию, а труп отослан в СССР на основании найденного на нем завещания.

ДОМ ДЛЯ МУЗЕЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В САН ФРАНЦИСКО

С прошлого номера Редакция начала печатать ряд материалов касающихся важнейшей сокровищницы русской культуры за рубежом — Музея Русской Культуры в Сан Франциско.

Несмотря на двадцатилетнее существование Музея многие русские, живущие в районе Сан Франциско не видели и не знают о нашем культурном учреждении, где создается целая история прошлого Великой России.

Помещение на четвертом этаже Русского Центра теперь оказалось тесным, потому что за эти долгие годы поступило настолько много всевозможного материала, что становится затруднительным размещать его по отделам и систематизировать по содержанию.

Пришло время, когда это помещение не стало удовлетворять элементарные требования музейной работы. В первые годы можно было мириться со всеми неудобствами. За неимением достаточного помещения Музей принужден сложить свои наиболее ценные предметы в комнате Городской Библиотеки. Такое раздробление материалов приносит затруднения выдаче разного рода научных сведений.

Стремясь найти выход из создавшегося положения, Правление Музея не могло найти никакой иной возможности, как подумать о приобретении своего дома. Свой дом откроет двери Музея тем, кому затруднительно подниматься на четвертый этаж и всем тем, кто интересуется или хочет узнать о славе нашей Родины.

Для выполнения этой большой идеи — покупки дома — необходимо содействие всех русских общественных и церковных организаций, отдельных лиц и особенно родителей нашего подрастающего поколения. Эти родители должны быть более заинтересованы в существовании Музея, где их дети могут узнать и оценить духовные богатства страны своих родителей и познакомиться с ее прошлым и гордиться своим русским происхождением. К сожалению, большинство нашей молодежи безразлично относятся к познанию страны своих родителей. Американские школы мало знакомят нашу молодежь с Россией, часто искажают и освещают ее в неправильном виде.

Что нам делать для исправления этого?

Мы, старшее поколение, должны показать этой молодежи на документах, экспонатах, фильмах и лекциях правдивую сторону прошлого России.

Необходимо собрать в одном месте наши русские ценности. Многие русские коллекционеры высказывали свои пожелания отдать свои ценности, чтобы создать одно большое целое. Такое место должно быть наш Музей, уже обладающий большими сокровищами. Можно надеяться, что американские музеи пойдут нам навстречу и предоставят возможность временно показать русские шедевры творчества. Такое предложение было сделано от Сан Франциско Музея Де Янг. Но наш Музей был принужден отказаться от этого предложения за отсутствием безопасного помещения. Такие видные коллекционеры, как русский посланник Бахметьев, Бьюкенен, Дэвис и другие говорили о предотвращении перехода русских ценностей в чужие руки. Чтобы остановить распыление, необходимо иметь такое здание, которое отвечало бы требованиям элементарной музейной безопасности. Покупка своего дома могла бы разрешить эти затруднения.

Мы, русские члены различных организаций, не должны конкурировать друг с другом, ибо мы все делаем русское дело, и должны сознавать себя членами одной дружной семьи, помогать друг другу и содействовать всяким нашим начинаниям.

Музей обращается ко всем, кому дорога память о России, помочь приобрести дом для Русского Музея, где русские и американцы могли бы узнать и убедиться в духовном богатстве русского народа.

Для этого надо очень мало: внести хотя бы 1 доллар для этой цели.

Адрес Музея:
Museum of Russian Culture
2450 Sutter Street, San Francisco
California 94115, U.S.A.
Председатель Комиссии
по сбору средств на покупку дома
Н. А. СПЕПАНОВ

Вышла из печати и поступила
в продажу новая книга
М. КАРАТЕЕВА
"ИЗ НАШЕГО ПРОШЛОГО"
Сборник исторических очерков, 256
стр. Цена — 4 ам. долл., в Аргентине
— 900 песо.

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН — 36

Печатается без ведома
и согласия автора.

РАКОВЫЙ КОРПУС

— А зависит, оказывается, в этом барьере от соотношения солей калия и натрия. Какие-то из этих солей, не помню, допустим натрия, если перевешивают, то ничего человека не берет, через барьер не проходит и он не умирает. А перевешивают, наоборот, соли калия — барьер уже не защищает, и человек умирает. А от чего зависят натрий и калий? Вот это — самое интересное! Их соотношение зависит — от строения человека! Понимаете? Значит, если человек бодр, если он духовно стоек — в барьере перевешивает натрий, и никакая болезнь, никакая не доведет его до смерти! Но достаточно ему упасть духом — и сразу перевесит калий, и можно заказывать гроб.

Геолог слушал со спокойным оценивающим выражением как опытный студент, который примерно догадывается, что будет на доске в следующей строке. Он одобрил:

— Физиология оптимизма. По идее хорошо. Очень хорошо.

И, будто упуская время, окунулся опять в книгу.

Тут и Павел Николаевич ничего не возражал. Оглоед рассуждал вполне научно.

— Так я и не удивлюсь, — развивал Костоготов, — что лет через сто откроют, что еще какая-нибудь цензевая соль выделяется по нашему организму при спокойной совести и не выделяется при отягощенной. И от этой цензевой соли зависит будут ли клетки расти в опухоль или опухоль рассосется.

Ефрем хрипло вздохнул:

— Я — баб много разорил. С детьми бросал. Плакали... У меня не рассосется.

— Да при чем тут?! — вышел из себя Павел Николаевич. — Да это же махровая поповщина, так думать! Начитались вы всякой слякоти, товарищ Поддубев, и разоружились идеологически! И будете тут нам про всякое моральное усовершенствование талдыкать.

— А что вы так прицепились к нравственному усовершенствованию? — огрызнулся Костоготов. — Почему нравственное усовершенствование вызывает у вас такую ярость? Кого оно может обижать? Только нравственных уродов!

— Вы... не забываетесь! — блеснул очками и оправой их Павел Николаевич и в этот момент так строго, так ровно держал голову, будто никакая опухоль не подпирала его справа под челюсть. — Есть вопросы, по которым установилось определенное мнение! И вы уже не можете рассуждать!

— А почему это не могу? — темными глазами уперся Костоготов в Русанова.

— Да ладно! — зашумели больные, примиряя их.

— Слушайте, товарищ, — шептал безголосый с Демкиной кровати, — вы начали насчет березового гриба...

Но ни Русанов, ни Костоготов не хотели уступить. Ничего они друг о друге не знали, а смотрели взаимно с ожесточением.

— А если хотите высказаться, так будьте же грамотны элементарно! — выпливая каждое слово по звукам, осадил своего оппонента Павел Николаевич. — О нравственном усовершенствовании Льва Толстого и компании раз и навсегда написал Ленин! И товарищ Сталин! И Горький!

— Простите! — напряженно сдерживаясь и вытягивая руку навстречу, ответил Костоготов. — Р а з и н а в с е г д а никто на земле ничего сказать не может. Потому что тогда остановилась бы жизнь. И всем последующим поколениям нечего было бы говорить.

Павел Николаевич опешил. У него покраснели верхние кончики его чутких белых ушей и на щеках кое-где проступили красные круглые пятна.

(Тут не возражать, не спорить надо было по-субботному, а надо было прорвать, что это за человек, откуда он, из чьих — и его вопиюще-неверные взгляды не вредят ли занимаемой им должности).

— Я не говорю, — спешил высказаться Костоготов, — что я грамотен в социальных науках, мне мало пришлось изучать. Но своим умишкой я понимаю так, что Ленин упрекал Льва Толстого за нравственное усовершенствование тогда, когда оно отводило общество от борьбы с произволом, от зреющей революции. Так! Но зачем вы затыкаете рот человеку, — он обеими крупными кистями указал на Поддубева, — который задумался о смысле жизни, находясь на грани ее со смертью? Почему вас так раздражает, что он при этом читает Толстого? Кому от этого худо? Или, может быть, Толстого надо сжечь на костре? Может быть, правительственный Синод не довел дело до конца?

(Не изучив социальных наук, Костоготов спутал «святейший» с «правительственный»).

Теперь оба уха Павла Николаевича налились в полный красный налет. Этот уже прямой выпад против правительственного учреждения (он не расслышал, правда, — какого именно) да еще при случайной аудитории, подобранной не по списку, усугубляли ситуацию настолько, что надо было тактично прекратить спор, а Костоготова при первом же случае — прорвать. И поэтому, не поднимая дела пока на принципиальную высоту, Павел Николаевич сказал в сторону Поддубева:

— Пусть Островского читает. Больше будет пользы.

Но Костоготов не оценил тактичности Павла Николаевича, он вообще не слышал, не внял, а нес свое перед неподготовленной аудиторией.

— Почему мешать человеку задуматься? В конце концов, к чему сводится наша философия жизни? — «Ах, как хороша жизнь! Люблю тебя жизнь. Жизнь дана для счастья!» Что за глубина! Но это может и без нас сказать любое животное — курица, кошка, собака.

— Я прошу вас! Я прошу вас! — уже не по гражданской обязанности, уже не как субъект истории, а как объект, предостерег Павел Николаевич. — Не будем говорить о смерти! Не будем о ней даже вспоминать!

— И просить меня нечего! — отмахивался Костоготов рукой-лопатой. — Если здесь о смерти не поговорить, где же о ней поговорить? «Ах, мы будем жить вечно!»

— Так что? Что — взывал Павел Николаевич. — Что вы предлагаете? Го-

О Василии Гроссмани и Валентине Овечкине

(КРС) В журнале "Новый мир" № 3 в разделе "Книжное обозрение" напечатана небольшая рецензия известного, но умеренного критика Ф. Левина. Она озаглавлена "Добро вам, люди!" и посвящена книге Николая Атарова "Не хочу быть маленьким", изданной в прошлом году "Молодой гвардией".

Прозанк и публицист Атаров считается в среде московских литераторов, так сказать, "надежным средняком". Он не лишен дарования, но на баррикады не полезет и проливать кровь за "творческие свободы" не будет. Тем не менее он был одним из тех немногих московских писателей, которые присутствовали на похоронах Пастернака в 1960 г., и, кажется, получил партийный "нагоняй" за такую "дерзость".

Тем более интересно, что в этом сборнике очерков и статей, на темы общественной жизни, этот самый Атаров упоминает о последних рассказах Василия Гроссмана, о Константине Паустовском и Иване Катаеве. Не менее интересно, что Ф. Левин, человек послушный и не из смелого десятка, именно это выделяет и большую часть своей рецензии отводит разговору о Гроссмани. (Надо думать, что этот факт был заранее обговорен с главным редактором журнала Александром Твардовским, который был тесно связан с Гроссманом).

Левин пишет в рецензии:

"Статья о Василии Гроссмани "Добро вам, люди!" (Не случайно это название критик вынес в заголовок своей рецензии) — лучшее, что до сих пор было написано об этом большом писателе. Идейная основа и пафос творчества Гроссмана дороги и близки Атарову, — именно отсюда и возникло то сердечное и глубокое понимание рассказов Гроссмана, какое мы находим в этой статье".

Следует отметить следующее. В среде московских писателей хорошо известно, что Василий Гроссман в течение десяти лет (до своей смерти, последовавшей, кажется, два или три года назад) писал роман "Годы и люди". Этот роман охватывал период более чем в тридцать лет и достаточно прямо и открыто обвинял Сталина в исторических преступлениях. Гроссман проводил в этом романе параллель между Сталиным и Гитлером. Читали этот роман немногие. Но о нем ходила молва, что это чуть ли не современная "Война и мир". Гроссман послал этот роман в журнал

"Знамя". Перепугавшийся главный редактор этого журнала Вадим Кожевников, написал поклеп на Гроссмана и отправил рукопись в ЦК КПСС. После этого Твардовский устроил Гроссману встречу с секретарем ЦК Михаилом Суловым. Это была уникальная встреча, на которой Сулов сказал Гроссману примерно следующее: "Этот роман никогда не увидит света, товарищ Гроссман. Вы должны о нем забыть. Мы ждем от вас совсем других произведений..."

Через день или два на дачу Гроссмана приехали агенты КГБ и копии романа "Годы и люди", которые были у автора, подверглись аресту. Это был первый случай, когда арестовывался не сам писатель, а его детище. (После этого подобное же произошло, как известно, с Солженицыным). Арестованы были и все варианты романа, черновики, эскизы. Обыск продолжался целую ночь. Когда Гроссмана спросили как проходил обыск, он ответил: "Вас интересует техника? Это было сделано по классическим сталинским образцам..."

В дальнейшем Гроссман был вынужден заниматься переводами произведений "нацменов", то есть писателей из национальных республик и областей СССР, на русский язык, чтобы жить и творить. После поездки в Армению, он написал великолепный очерк, в котором утверждал, что в советской действительности уйма отшельников, которые всеми силами стараются уходить в сторону от жизни, прятаться от нее, так сказать, "эскейпистов". Этот очерк был поставлен в очередной номер "Нового мира", но в последний момент по приказу из ЦК, Твардовскому пришлось рассыпать набор.

Таково недавнее и памятное прошлое Гроссмана. Он безусловно шел путем Пастернака и не хотел примиряться с законами "партийности". Твардовский симпатизировал ему и пытался помогать. Многим было стыдно смотреть в глаза Гроссману. Имя его так или иначе умалчивалось.

Вот почему публикация Ф. Левина и сама книга Н. Атарова в настоящее время, когда "гайки зажимаются" опять и достаточно круто, представляют несомненный интерес и, думается, являются симптоматичными. Безусловно Твардовский продолжает любить Гроссмана, чтит его память и его произведения, и не хочет замалчивать этого.

Как же иначе можно расценивать сле-

дующие слова Атарова о Гроссмани, напечатанные рецензентом в "Новом мире":

"Я вижу большое общественное значение творчества таких писателей, как Василий Гроссман, в том, что они будят беспокойство, не дают нам заслониться и остынуть. Такие писатели догадываются, что люди в общем и без них и до них чувствуют, что хорошо, что плохо. Ощущение виновности заключено в самой их совести. Дело лишь в том, что в трудный час они умеют заслониться от собственной совести. Заслониться легче легкого: все второстепенное, суетное, незначительное кажется важным и первоочередным, когда нужно принять трудное решение. Заслониться можно и недосугом, и своими заслугами, и повседневными заботами... О, заслониться можно даже самоубийством".

Тут Атаров явно намекает на самоубийство Александра Фадеева и, вероятно, в известной мере на выстрел Валентина Овечкина, который пытался покончить жизнь самоубийством, но был спасен врачами.

И дальше слова Атарова:

"Значит, не дать людям заслониться — вот задача писателя!"

Быть добрым к людям — они этого заслуживают — и не давать им от самих себя заслоняться".

Совершенно очевидно, что Твардовский всеми силами, на первых страницах своего журнала, как и на последних, в виде ли повестей, романов, или критических статей, продолжает "культуривовать" тех писателей, которых он уважает. Со страниц "Нового мира" не сходят имена Ахматовой, Бунина, Паустовского, Гроссмана, Катаева, Виктора Некрасова, Яшина, теперь снова появи-

лось имя Абрамова ("Две зимы и три лета") и других.

И имя Гроссмана для Твардовского особенно дорого. Это имя и имя Пастернака для него до сих пор, безусловно, кровотокающие раны...

"ДЕЛО" ВАЛЕНТИНА ОВЕЧКИНА

О том, что произошло с Валентином Овечкиным могла быть написана пьеса. Может быть, она когда-либо и будет написана.

Овечкин был стопроцентным пролетарием и по крови и по духу. Работал в юности сапожником, был учителем в "ликбезе" (ликвидация безграмотности), затем уехал в деревню и стал председателем колхоза, вступил, разумеется, в коммунистическую партию, был даже где-то секретарем партийного бюро. Во время Великой Отечественной войны Овечкин отправился на фронт, в качестве военного корреспондента.

Несомненно Валентин Овечкин завоевал себе прочное место в подсоветской литературе, рядом с такими писателями, как Троепольский, Тендряков и Дорош, своими очерками, повестями и пьесами о жизни советской деревни. В этом вопросе Овечкин был безусловно сведущ, он знал, как живет эта деревня, он знал ее беды и всячески старался помочь колхозникам.

Одно время "наверху" взяли Овечкина "на вооружение". Его критические очерки и рассказы печатались чуть ли не в "Правде", на целую полосу. (Этакой чести удаивались лишь Корнейчук, Симонов, Шолохов). Широкому известности получили очерки "Районные будни", "В том же районе", наконец, "Трудная весна". Овечкин выдвигал идею "хороших" и "плохих" руководителей. Он обычно противопоставлял бюрократу и дураку, первому секретарю райкома КПСС умницу и гуманиста, второго секретаря райкома КПСС.

Да, одно время события складывались так, что Овечкина "поднимали". Он был "избран" членом правления Союза советских писателей РСФСР, а затем членом правления Союза советских писателей СССР. А дальше произошло вот что:

Укрепившись у власти, Хрущев начал вводить свои "новшества". Коснулось это и колхозов. Овечкин принял их настороженно, а затем и прямо "в штыки". В тот период он жил в Курске и был членом пленума Курского Обкома КПСС. Хрущевские новшества вызвали недовольство и в руководящих кругах обла-

ворить и думать все время о смерти. Чтоб эта каменная соль брала верх?

— Не все время, — немного стих Костоготов, поняв, что попадает в противоречие. — Не все время, но хотя бы иногда. Это полезно. А то ведь, что мы всю жизнь твердим человеку? — ты член коллектива! ты член коллектива! Верно. Но это — пока он жив. А когда придет час умирать — мы отпустим его из коллектива. Член-то он член, а умирать ему одному. А опухоль сядет на него одного, не на весь коллектив. Вот вы! вы, вы! — грубо совал он палец в сторону Русанова. — Ну-ка скажите, чего вы сейчас больше всего бонтаете на свете? Умереть!! А о чем больше всего бонтаете говорить? О смерти! Как это называется? Лицемерие!

— В рамках разумного это верно, — тихо сказал, но был услышан, симпатичный геолог. — Мы так боимся смерти, что даже отгоняем мысль о тех, кто уже умер. Мы даже за могилами не следим.

— Ну, это правильно, — согласился Русанов. — Памятники героев надо поддерживать, об этом и в газетах пишут.

— Да не героев только, а всех, — говорил геолог мягко, голосом, будто не приспособленным и повзвизгивать. Он и сам был тонок, в плечах не угадывалось физической силы. — У нас позорно запущены многие кладбища, вот я видел на Алтае и туда к Новосибирску. Ограды нет, бродит скот, свиньи роются. — Что это — наш национальный характер? Нет у нас могилы уважали...

— Чтили! — подбросил ему Костоготов.

Павел Николаевич перестал слушать, потерял интерес спорить с ними. Он забылся, сделал неосторожное движение, и так больно отдалось ему от опухоли в шею и в голову, что померк весь интерес просвещать этих балбесов и рассеивать их бредни. В конце концов он попал в эту клинику случайно и такие важные минуты болезни не с ними он должен был переживать. А главное и страшное было то, что опухоль ничуть не опала и ничуть не размягчилась от вчерашнего укола. И при мысли об этом холодело в животе. Оглодеду хорошо рассуждать о смерти, когда он выздоравливает.

Демкин гость, безголосый дородный мужчина, придерживая гортань от боли, несколько раз пытался вступить и сказать что-то свое, то прервать неприятный спор, но шопота его не слышали, а сказать громче он был бессильн и только накладывал два пальца на гортань, чтобы ослабить боль и помочь звуку. Болезни языка и горла, неспособность к речи как-то особенно угнетают нас, все лицо становится лишь отпечатком этой угнетенности. Тогда он пробовал остановить спорящих широкими взмахами рук, а теперь, при тихой полесе, его стало слышней, да он и по ходу выдвинулся.

— Товарищи! Товарищи! — сипел он, и вчуже становилось больно за его горло. — Не надо этой мрачности. Мы и так убиты нашими болезнями! Вот вы, товарищ! — он пошел по проходу и почти умоляюще протягивал одну руку (вторая была на гортани) к возвышенно сидевшему растрепанному Костоготову как к божеству. — Вы так интересно начали о березовом грибе. Продолжайте, пожалуйста!

— Давай, Олег, о березовом! Что ты начал? — просил Сибгатов.

И бронзовый Ни, с тяжестью ворочая языком, от которого часть отвалилась в прежнем лечении, а остальное теперь распухло, неразборчиво просил о том же. И другие просили.

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontología
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
 (говорит по-русски)
 Специальное лечение корней зубов.
 Бор-машинка Ultrasonico.
 Искусственные зубы.
 Рентгеновские снимки.
 Прием ежедневно от 14 до 20 час.
 Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital
 Т. Е. 88 - 3605
 (Один квартал от станции подземки Pueyrredón по линии Federico Lacroze).

Костоготов ощущал недобрую легкость. Сколько лет он привык перед в о л н ы м и помалкивать, руки держать назад, а голову опущенной, что это вошло в него как природный признак, как сутулость от рождения, то чего он не вовсе отстал и за год жизни в ссылке. А руки его на прогулке по аллеям медгородка и сейчас легче и проще всего складывались позади. Но вот вольные, которым столько лет запрещалось разговаривать с ними как с равными, вообще всерьез обсуждать что-нибудь как с человеческим существом, а горше того — пожать ему руку или принять от него письмо, — эти вольные теперь, ничего не подозревая, сидели перед ним, развязно уместившемся на подоконнике и учительствующем, — и ждали опоры своим надеждам. И за собой замечал теперь Олег, что тоже не противопоставлял себя им, как привык, а в общей беде соединял себя с ними.

Особенно вот от этого он отвык — от выступления сразу перед многими, и как вообще от всяких собраний, заседаний, митингов, в каком-то забавном сне. Но как по льду с разгону уже нельзя остановиться, а летишь — что будет, так и он с веселого разгона своего выздоровления, нечаянного, но кажется выздоровления, продолжал нестись.

— Друзья! говорил он непривычно многословно. — Это удивительная история. Мне рассказал ее один больной, приходивший на проверку, когда я еще ждал приема сюда. И я вот же, ничем не рискуя, написал открытку с обратным адресом диспансера. И вот сегодня уже пришел ответ! Двадцать дней прошло — и ответ. И доктор Масленников еще извиняется передо мной за задержку, потому что, оказывается, отвечает в среднем по десять писем в день. А меньше, чем за полчаса, толкового письма не напишешь? Так он пять часов в день одни письма пишет! И ничего за это не получает!

— Наоборот, на марки четыре рубля в день, тратит, — вставил Демка.

— Да, Это в день — четыре рубля. А в месяц, значит, сто двадцать! И это не его обязанность, не служба его, это просто его доброе дело. Или как надо сказать? — Костоготов злопамятно обернулся к Русанову. — Г у м а н н о е, да?

Но Павел Николаевич дочитывал бюджетный доклад в газете и притворился, что не слышит.

— И штатов у него никаких, помощников, секретарей. Это все — во вне-служебное время. И славы тоже ему за это никакой. Ведь нам, больным, врач — как паромщик; нужен на час, а там не знай нас. И кого он вылечит — тот письмо выбросит. В конце письма он жалуется, что больные, особенно которому помогает перестают ему писать. Не пишут о принятых дозах, о результатах. И еще о н же м е н я п р о с и т — просит, чтоб я ему ответил аккуратно! Когда мы должны ему в ноги поклониться.

Костоготов внутренне уверял себя, что бескорыстие и трудолюбие Масленникова трогают его теплотой, хочется говорить о нем и хвалить. Значит, сам он не настолько испорчен. Но уже испорчен настолько, что не мог бы, как Масленников, иссливаться для других день ото дня.

— Но ты по порядку, Олег! — просил Сибгатов со слабой улыбкой надежды.

Как ему хотелось вылезть! — вопреки удручающему, многомесячному, многолетнему и уже явно безнадежному лечению — вдруг вылезть внезапно и окончательно! Заживить спину, выпрямиться, пойти твердым шагом, чувствуя себя мужчиной-молодцом! Здравствуйтесь, Людмила Афанасьевна! А я здоров!

сти. Не вникая в существо дела, местные тузы, собираясь вечерами за круглым столом не то чтобы открыто, но все же поговаривали об "авантюризме" Никиты. В этих разговорах принимал участие и Овечкин. Больше того, он как бы возглавил местную "опозицию", а так как перед созывом XXII съезда КПСС по стране проходили партийные конференции, Овечкин и предложил секретарям Обкома партии устроить нечто вроде бунта. Овечкин хотел выступить на партийной конференции Курской области и выложить "правду-матку" с тем, чтобы его поддержали секретари Обкома КПСС, руководители Облсполкома и другие. Овечкин надеялся, что за ними пойдут все остальные делегаты партконференции. Он был уверен в том, что его идеи разделяются на местах, то есть в колхозах области.

Валентин Овечкин, с той же смелостью, с какой сам Хрущев когда-то вышел на трибуну XX съезда КПСС, поднялся на трибуну партийной конференции Курской области. Он, что называется, толкнул речугу и... Что произошло затем?

То же самое, что было описано в рассказе Яшина "Рычаги". Сработал принцип "демократического централизма": каждый в отдельности — против, все вместе — за. Словом, Овечкина не поддержали. Наоборот, сами же набросились на Овечкина.

Вернувшись домой, осознав в полной мере свою катастрофу, поняв, что у него окончательно отняты веру в человека, в коммуниста, в его право на мысль, на суждение, на выражение собственного мнения, поняв вдруг, что это все не случайно, а лежит в основе самой системы, что коллективная система жизни противоестественна, что коллектив, превращенный в догму, уничтожает человеческую личность, индивидуальность; поняв, конечно, и жестокую закономерность коммунистической диктатуры, и трагедию тех, которые сначала за рюмкой водки солидаризировались с Овечкиным, а затем уже на партконференции отделились от него, поняв, что это его и их трагедия, советский Гамлет неизбежно пришел к вопросу: "быть или не быть?". "Не быть!" — подсказал ему голос совести.

Вероятно, в тот миг в представлении Овечкина появилось нечто иное, чем идея коммунизма, чем партийный долг, чем обязанности советского писателя, чем интересы колхоза. Вероятно, в тот миг он переосмыслил все и прежде всего цену человека. Видимо, в тот миг он совсем иначе взглянул на себя и на те, что его окружали. Видимо, в тот миг он почувствовал то, что Пастернак называл "запах бессмертия". Придя к этому, Овечкин взял в руки мелкокалиберную винтовку, которая висела у него на стене, заложил патрон и выстрелил себе в голову.

Может быть дрогнула рука или мелкокалиберка оказалась не смертельным оружием. Овечкина в бессознательном состоянии на самолете отправили в Москву. Здесь врачи сделали сложную операцию и жизнь Овечкина была спасена. Но он потерял глаз.

В дни выздоровления, по указанию властей, к Овечкину пускали только одного писателя, Константина Симонова, хотя Овечкин всегда недолюбливал его и не раз открыто говорил об этом. Тем не менее, тогда Овечкина навещал Константин Симонов, надежность и ортодоксальность которого нельзя подвергать сомнению.

Власти из всех сил старались замолчать и приглушить "дело Овечкина". По всем правилам такой коммунист не мог избежать осуждения и за то, что он выступил против Хрущева, и за то, что он пытался наложить на себя руки. То и другое было из области антипартийного, то и другое в КПСС карается беспощадно. Но с Овечкиным поступили иначе. В период его пребывания в больнице в "Литературной газете" даже появилась какая-то статья или очерк, из тех, которые он написал прежде. Этим самым литераторам дали понять, что мол "статус кво" между Овечкиным и верхами установлен; что, мол, все заняло подобающее место и что, мол, так и должно было быть. Симонов, вероятно, сыграл в этом случае роль партийного эмиссара. Позже последовали даже "поощрения", или, лучше сказать, "награды". На четвертом съезде Союза советских писателей Овечкина "выбрали" в состав правления. И вроде бы все стихло, угомонилось. И нигде не было написано ни о выстреле Овечкина, ни о

БИБЛИОГРАФИЯ

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ КАЛЕНДАРЬ НА 1969 ГОД
Издание Общества Св. Владимира под редакцией проф. И. М. Андреева. Нью Йорк 1968 г. 86+128 стр. Цена 2 доллара.

Этот, много лет издающийся календарь, состоит, как всегда, из двух частей: официальной и литературного приложения, которое может быть выписано отдельно от календаря отриском.

Первая часть с многочисленными иллюстрациями, дает сначала краткое описание отпевания Царской Семьи в Брюссельском Храме-Памятнике. Приведен текст проповеди Владыки Никона и указано присутствие на отпевании Государя Великого Князя Владимира Кирилловича с Августейшей Семейей. Дан список служившего собором духовенства, но при перечне стран, из которых прибыли делегаты политических организаций и верные русские люди, пропущены почему-то Голландия, Австрия и Италия. Не стоило передавать слуха о том, что на отпевании присутствовал корреспондент "Правды" с монархическим значком, что является обычной эмигрантской сплетней. Сообщение в "Правде" полно ошибок, о чем я писал в "Нашей Стране".

Далее идет календарь с указанием ежедневно поминаемых святых с чтением из Деяний и Евангелия и алфавитный список русских и грузинских святых.

Вторая часть разделена, как обычно, на пять отделов. В религиозно-философском находим интересные данные о двух свиданиях с находившимися в дальних краях Сибирского Заполярья митрополитами Петром Крутицким и Кириллом Казанским, сообщение редактора о Зарубежной и Катакомбной Церкви и о его работе в Соловецком концлагере с евреем-православным исповедником, которого проф. И. М. Андреев встречал в Соловках в 1929 г. и которого я лично встречал фельдшером на Лей-Губе весной 1931 г. и на Май-Губе, куда его привезли для следствия в октябре того же года, после чего, вероятно, он был рас-

его выступлении на Курской партконференции, ни о том, что он потерял глаз, и уж, конечно, ни слова о том, что говорили друг другу Овечкин и Симонов, и, наконец, о том, что спустя некоторое время после попытки самоубийства, Валентин Овечкин попал в сумасшедший дом, как это случилось с Есениным. Вольным, с Тарсисом и многими другими. Почему же Овечкин попал в дом для умалишенных после того, как был установлен "статус кво"?

Надо думать, что "примирение" Овечкина с Хрущевым не исчерпало того, что толкнуло Овечкина на самоубийство. Надо думать, что внутренние терзания, душевная борьба не оставляли его ни на минуту. Надо думать, что именно это и привело его к алкоголю.

Как-то Овечкин приехал в Москву, остановился в гостинице "Москва" и, напившись, разделся и пытался выбраться из окна. Дело дошло до того, что была вызвана пожарная команда, под окнами его номера растянули брезентовый тент. Немедленно нашлись услужливые и "заботливые" люди, которые позвонили в литфондовскую поликлинику и оттуда сразу же прибыла целая команда врачей. Овечкина из гостиницы "Москва" перевезли в больницу для сумасшедших...

Группа московских литераторов, возмущенная этим событием, отправилась в указанный дом для сумасшедших и попыталась выяснить действительно ли Овечкин потерял рассудок. Официальные справки ни к чему не привели. Ясного ответа у главного врача они не получили.

Пройдя "курс" психиатрического лечения, В. Овечкин, кажется, сразу после этого или спустя немного уехал или его "отправили" в Ташкент, где жил и до сих пор живут его сыновья. Там он недавно и скончался.

Неизвестно, присутствовал ли Овечкин на четвертом съезде Союза Советских писателей. Читал ли он письмо Солженицына? Но если он и был на четвертом съезде в Москве, то был уже в качестве душевного калеки, изломанного и перемолотого, уже неспособного на борьбу за свое человеческое достоинство. Ведь дважды в себя не стреляют...

NICOLAS FEWR

EL SOL SALE EN OCCIDENTE

Nóvoie Slovo cuenta su existencia desde 1933 cuando apareció como heredero del periódico fracasado Rul. Durante ocho años, no pudiendo competir con los grandes diarios rusos de París, arrastraba una mísera existencia, logrando apenas subsistir. Es difícil que alguno de sus colaboradores de aquel entonces supusiera que precisamente a este periódico le tocaría desempeñar un papel histórico dentro de la prensa rusa del exilio; que Nóvoie Slovo sería el primero en llegar hasta el suelo ruso y constituiría un puente entre los emigrados y los ex-ciudadanos soviéticos y que en sus columnas se formaría una pléyade de brillantes periodistas antibolcheviques, antiguos súbditos del Soviet.

(Continuación)

стрелян. Затем идет моя статья "Церковь политиканствующая" и философская статья проф. Ф. В. Вербицкого "Пути человеческие": в художественной форме беседы в лесу между врачом, полковником, студентом и подошедшим к ним монахом излагает ложность материалистических достижений науки при моральном одичании передовых слоев общества.

В историческом отделе очень интересна статья проф. Г. А. Знаменского: "Вклад всеобъемлющего гения исторической России в мировую сокровищницу науки", где сжато изложены открытия и изобретения русских ученых от Ломоносова до наших дней.

Отдел беллетристики и поэзии дает окончание печатавшегося в прошлые годы либретто к опере Н. А. Римского-Корсакова "Сказание о невидимом граде Китеже и деве Февронии" с комментариями редактора Календаря. Далее идут стихи Лидии Даль, Надежды Лангер, "современника" — последние "Казачья Голгофа" посвящены выдаче казаков в Лиецце.

В историческом отделе статья покойного проф. И. Концевича "Заветы Святого Князя Владимира". В общественно-политическом отделе статья проф. Н. Коваленского "Критика марксизма-ленинизма" и рецензия проф. Ф. В. Вербицкого на лекции архимандрита Константина по допетровскому периоду русской литературы.

Совершенно исключительный интерес представляют показания члена Уральского Облсполкома, быв. австрийского военнопленного И. Л. Мейера о гибели Царской Семьи. В качестве офицера Красной Армии Мейер заведывал мобилизационным отделом Уральского Военного Округа и сообщает много нового благодаря документам, переданным ему начальником округа немцем Александром Мебусом, сыгравшим большую роль в злодеянии, но потом убитым под Нижним Тагилом. Благодаря Мебусу Мейер присутствовал при посещении Белобородовым и другими извергами Царской Семьи за несколько дней до злодеяния и свидетельствует о героическом поведении доктора Боткина, которому убийцы предлагали покинуть Царскую Семью, но получили отказ. Отмечу, что Царскую Семью покинул по переводе из Тобольска в Свердловск, лечащий наследника детский врач В. Н. Деревенко (однофамилец матроса), впоследствии занявший кафедру педиатрии в Перми. Всем читателям рекомендую приобрести этот календарь, чтобы прочесть эти страшные страницы показаний очевидца екатеринбургского злодеяния. Алексей Ростов

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
NUESTRO PAIS
Organo Monárquico Ruso

Editor-Director
TATIANA K. DE DUBROWSKY
M O N R O E 4219, Dep. 10
BUENOS AIRES (30)
T. E. 52-7426

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА
В "Фонд Издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича" поступили следующие суммы:

от о. дьякона Андриенко — 3.80 нем. марок, от г-на Шапошникова — 3.80 нем. марок, от В. И. Бохонова — 20 нем. мар.

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Doctora

A. V. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ

Endodoncia — лечение корней зубов, технические работы, рентгеновские снимки, бор-машина ultra-sonico.

Прием по предварительной записи. Понед., вторник, четверг и пятница от 15 до 20 час.

T. E. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A. Один квартал от подземной жел. дор. Río de Janeiro по улице Corrientes.

ВИКТОР ЯНИШЕВСКИЙ

Abogado y Ex-Juez de Tribunal

de Yugoslavia

TRADUCTOR PUBLICO

Б Ю Р О

Присяжных Переводчиков

М. Д. ГОЧЕВАР и ЭДИТ ГИРШ

Переводы на русский и все остальные языки. Документы из Советского Союза и остальных стран Света, для получения гражданства, пенсии, паспортов, Cedula de Identidad, исправление имен и пр. Вызов родственников из Советского Союза и поездки в Советский Союз.

LAVALLE 1570, p. 4

T. E. 46-5238 y 5529 - Buenos Aires

РУССКАЯ АМБУЛАТОРИЯ О.Р.Ю.Р.

Прием больных от 14.00 до 15.00 час. по субботам.

Адрес: Calle Buenos Aires 2655, Olivos. Коллективы: 4, 143, 113, 215 и железнодорожная станция "Dr. Cetrangolo" (Mitre).

Стоимость визита — 50 песо.

Электрокардиограммы, рентген и анализы по сильно удешевленным ценам.

Заведующий амбулаторией — др. М. Царевский.

М. Каратеев извещает интересующихся, что летом его пансион в L A S T O S C A S

будет работать как обычно. Суточная цена 3 доллара без всяких надбавок, или их эквивалент в любой валюте. Записываться просят по возможности заблаговременно, по адресу:

M. Karateef, Balneario Atlántida, R. O. del Uruguay

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА "НАША СТРАНА"

	ам. долл.	арг. песо
Иван Солоневич "Народная монархия" Том 1	1.50	350.—
Иван Солоневич "Народная монархия" Том 2	1.50	350.—
Иван Солоневич "Народная монархия" Тт. 3—4	3.00	700.—
Что говорит Иван Солоневич	1.00	250.—
Иван Солоневич "Роман во дворце труда"	1.50	350.—
Иван Солоневич "Хозяева" (русская сказка)	1.00	250.—
В. К. Федюнок "Военно-морской флот СССР"	1.00	250.—
Лидия Норд "Из блокнота советской журналистки"	1.00	250.—
Н. Былов "А. С. Пушкин как основа контрреволюции"	0.50	150.—
Проф. М. В. Зызыкин "Имп. Николай I и военный заговор 14 декабря 1825 года"	1.50	350.—
М. М. Спасовский "Соборная монархия"	0.50	150.—

Заказы направлять на адрес редакции:

Tatiana Kirew de Dubrowsky — Casilla de Correo 2847 — Buenos Aires